

В третьем секторе много организаций, созданных для реализации политических амбиций их создателей

Марина КАРЕЛИНА, пресс-служба губернатора Нижегородской области

Насколько я понимаю, ситуация в Нижегородской области нетипичная, потому что с тем, что происходит в Мордовии, нас сравнить сложно. По данным регистрирующих органов, у нас в области зарегистрировано порядка 500 СМИ. По моим данным, реально работающих после кризиса осталось около 200 СМИ, причем в основном они все независимые. У нас более 29 телекомпаний имеют лицензии на вещание, из них государственных телекомпаний две: государственная телерадиокомпания, которая входит во всем известный холдинг, и нижегородская областная телерадиокомпания ННТВ. Говорить о прямом влиянии администрации на какую-либо из этих телекомпаний практически невозможно, потому что у нас нет соответствующих институтов и мы не ставим перед собой таких задач. У нас, по моим подозрениям, прессы, зависимой от власти, нет вообще. Влияние на прессу в основном оказывается политическими и коммерческими структурами. Но об этом чуть позже.

У нас принят следующий механизм взаимоотношений прессы и власти. Раз в неделю у губернатора проходит оперативное совещание. На этом совещании из сотрудников администрации могут присутствовать только вице-губернаторы и руководители департаментов. Журналистов на оперативном совещании присутствует примерно такое же количество, как руководителей департаментов. Журналисты у нас могут приходить на это мероприятие все, для этого достаточно предъявить пропуск "Пресса". Так уж повелось, что журналисты у нас пользуются режимом экстерриториальности, хотя меня как руководителя пресс-службы это раздражает, потому что сотрудники администрации начинают работать не на дело, а на камеру, на журналистов. Мне кажется, информация должна быть доступна, система открытости власти нужна, но она не должна мешать делу.

Мы стремимся использовать разные формы информирования журналистов. Во-первых, всей прессе раздаем план работы администрации. В этом плане по дням расписаны все мероприятия, указаны телефоны ответственных. Если журналисту надо получить дополнительную информацию, он обращается либо к нам, либо к конкретному исполнителю. Каждую неделю в Интернете выставляется эта информация, а также стенограммы всех совещаний. Все пресс-релизы, все новости, которые исходят из администрации, тут же выставляются в Интернете.

Во-вторых, у каждого главы районной администрации есть электронная почта. В соответствии с распоряжением губернатора пресс-служба рассылает по электронной почте всю информацию, предназначенную для районных газет. То есть в определенном смысле пресс-служба администрации выполняет функции информационного агентства области. Разумеется, никто не заставляет редакцию районной газеты печатать то, что мы присылаем. Мы пытаемся работать в режиме диалога. Не всегда это понимается. Иногда стремление власти к диалогу с прессой воспринимается как слабость власти. Логика такая – если ты не можешь мне приказывать, ты слаб. Поэтому возникает соблазн начать приказывать. Но мы успешно этому соблазну сопротивляемся. Районные газеты сами определяют, что именно из присылаемой информации надо печатать, а что – нет. У них есть свобода выбора, и это хорошо.

Но у нас возникают проблемы другого уровня, другого качества. Прежде всего это вопрос ответственности прессы за объективность, достоверность распространяемой информации. Вот это для нас проблема номер один. Потому что журналисты берут в администрации информацию и затем с ней весьма вольно обращаются.

Сейчас явно проявилась новая форма цензуры, которая осуществляется самими СМИ, потому что они проданы либо политической, либо коррумпированной, либо коммерческой структуре или реализуют собственный коммерческий интерес, который связан с чьим-то политическим интересом. И жесткость этой цензуры куда выше той, которую осуществлял Главлит. Главлит начала 80-х годов, когда мне приходилось с ним сталкиваться, это ягненок по сравнению с теми главными редакторами, которые реализуют порученную им политическую задачу. А если учесть, что у нас область полгода находилась в состоянии хронических выборов, то можете представить, что у нас в прессе творилось. Платили за все и, как я понимаю, платили хорошо. Здесь администрации очень сложно было удержаться от того, чтобы не включиться в эту борьбу.

Причем явная ангажированность журналистов накладывается на их абсолютную убежденность в

собственной непогрешимости. Многие журналисты осознают себя носителями истины в последней инстанции. Они не хотят осознавать себя институтом гражданского общества, средством массовой информации, задачей которого является информирование общества, отстаивание общественных интересов. Они а priori считают себя правыми, и диалог с властью далеко не всегда получается, потому что для многих средств массовой информации это просто не выгодно. Выгодно строить отношения на конфронтации с властью, выгодна роль правдоискателя, борца. Любопытный пример. В области, как я уже говорила, газет очень много, рынок перенасыщен прессой. Учитывая то, что произошло 17 августа, администрация пошла на то, чтобы предоставить налоговые льготы Балахнинскому бумкомбинату, что позволило выдать нашей прессе хоть понемногу, но бесплатной бумаги, чтобы поддержать ее в этот трудный момент. Ни одна газета в Нижегородской области ни слова об этом не сказала, это было воспринято как должное, хотя я думаю, что по России больше такого нигде не было.

У нас неоднократно были случаи, когда в достаточно сложной ситуации (а у нас сейчас сложная ситуация) властные структуры предпринимали все возможное, чтобы улучшить положение, и оно начинает улучшаться, и вдруг, в самый напряженный момент пресса с каким-то непонятным остервенением набрасывается на тех, кто хоть что-то делает, и ситуация выходит из-под контроля. Потом стоит больших трудов нормализовать положение, а пресса и думать забыла об этой ситуации. Нет общественной ответственности у многих средств массовой информации.

Я не противник свободной прессы, но мне кажется, что сейчас у нас возникает проблема ответственности и профессионализма журналистов. Мне представляется, что каждый, кто идет в журналистику, должен осознать себя не просто работником, а социально ответственным человеком. Журналист, юрист, врач – это ведь не только профессия. Закон "О СМИ" очень хорошо защищает журналиста, но он не может заставить его быть профессиональным, соблюдать правила этической ответственности журналиста.

Вторая проблема связана со спецификой построения гражданского общества в отдельно взятой области.

С одной стороны, администрация и губернатор, как это ни странно для многих, понимают, что такое гражданское общество и почему оно нам необходимо. Один из постулатов предвыборной кампании нынешнего губернатора сводился к тому, что власть должна содействовать развитию институтов гражданского общества.

С другой стороны, взаимодействие прессы и власти по поводу формирования институтов гражданского общества идет весьма сложно. У власти нет достаточных средств, чтобы поддерживать все СМИ, а сами они выжить в нынешних условиях не могут. Зато наша область представляет собой объект повышенного интереса различных экономических и политических группировок. Это приводит к попыткам создать некие виртуальные институты гражданского общества. Причем каждый новый политик, который появлялся на нижегородской земле (а у нас постоянно происходят некие миграции Москва – Нижний Новгород, Нижний Новгород – Москва: выборы мэра, повторные выборы мэра, выборы в Государственную Думу, приход Лисовского на нижегородскую землю, приход Семаго на нижегородскую землю и т.д.), тут же начинал создавать под себя некую общественно-партийную структуру.

Я от всей души приветствую такие организации, как "Белые цветы", которая помогает детям, больным туберкулезом. У нас есть ассоциации инвалидов, ассоциации военнослужащих и т.д., которые делают реальное дело. Они незаметны, пресса про них вообще забывает, но они действительно помогают обществу. И администрация по мере возможности старается им помогать.

В то же время у нас регулярно возникают какие-то суперструктуры гражданского общества, смысл существования которых заключается в прославлении конкретного лица. Я думаю, что это очередной феномен нашей современной ситуации. Наиболее заметные, наиболее отражаемые в прессе институты гражданского общества существуют исключительно для решения конкретных политических задач конкретного политического лица.

Существует простой механизм приобщения людей к таким общественным движениям. Стоит на улице человек со списками, просит прохожих подписаться. Каждая подпись очередного участника общественного движения или какой-нибудь партии стоит, как правило, 35 рублей. Вот вам и институты гражданского общества за деньги. Я это категорически отказываюсь понимать. Но, к сожалению, такие липовые организации по численности превосходят все прочие, вместе взятые. И для прессы они наиболее значимы. А стало быть, и в общественном сознании отражены именно они. И отражены именно как структуры гражданского общества.

Вопрос:

– В Вашем выступлении очень резко проглядывает позиция чиновника. У меня возникло ощущение, что Ваше общение с журналистами напоминает диалог глухого со слепым. А как Вы себя оцениваете? Нижегородская власть – это идеальные люди? Я знаю, какая власть у нас в Ивановской области, и сомневаюсь, что в Нижегородской области она намного отличается.

М.Карелина:

– Я не хотела бы говорить о том, что в Нижегородской области идеальная власть. Я в данном случае говорю о том, как в области организована работа с прессой, и о том, что давление на прессу со стороны администрации практически отсутствует. Как человек, который в течение достаточно длительного времени занимался проблемой информационного законодательства, я не могу относить себя к категории людей, которые будут выступать против прессы или против журналистов. Но я согласна с тем, что общение властей и прессы иногда напоминает разговор слепого с глухим. И не всегда в этом виновата власть.

Вопрос:

– Очевидно, что у вас в областной Думе также есть пресс-центр или пресс-служба. Во многих регионах, насколько мне известно, идет постоянная борьба между законодательной и исполнительной властью, которая обязательно отражается на деятельности информационных структур. Как обстоят дела у вас? Как происходит борьба за умы населения? И второй вопрос. Существует ли у вас областная комиссия по правам человека, если да, то входят ли туда представители негосударственных организаций?

М.Карелина:

– По первому вопросу могу сказать, что у нас нет пресс-службы в Думе. У нас в Думе есть информационно-аналитическое управление, которое отнюдь не ориентировано на работу в режиме оперативного представления информации и оперативных контактов с прессой, это некая внутренняя структура областной Думы. Поэтому говорить о какой-то конфронтации не приходится. Наша пресс-служба представляет интересы не только администрации. К нам обращаются суды, и мы помогаем судам с распространением их информации.

Мы работаем с рядом федеральных организаций, у которых не налажены пресс-службы. Примерно то же самое происходит и с Думой. Если им нужна какая-то информационная поддержка, они пользуются нашей помощью. Что касается комиссий, о которых Вы спрашиваете, то у нас существует Общественная палата, которая объединяет представителей третьего сектора. Я не могу сказать, насколько эффективна их деятельность. Знаю, что люди там работают приличные, порядочные и стараются что-то делать.

Вопрос:

– Отслеживаете ли вы, как используют в прессе ваши материалы?

М.Карелина:

– Нет, мониторинга прессы в таком ключе мы не ведем. У меня есть группа сотрудников, которые занимаются выявлением критических замечаний, в частности, в адрес чиновников администрации. И я наделена правами затребовать от руководителей тех или иных структурных подразделений ответы на высказанные замечания. Если данная информация объективна и по ней требуется принимать меры, мы докладываем губернатору. Если там есть повод для серьезного расследования, то эта информация тоже докладывается. То есть мы отслеживаем публикации прессы с позиций выявления критических замечаний в адрес администрации и устранения отмеченных недостатков.

Есть проблема, связанная с выявлением критических замечаний в теле- и радиопрограммах. У наших сотрудников физически нет никакой возможности смотреть и слушать все, что транслируется в эфир. А журналистам недосуг направить нам копию критического выступления. В результате мы не всегда можем отреагировать на критику. Мы разослали во все телекомпании письмо, в котором попросили: "Если у вас проходят такие материалы, которые нуждаются в принятии административных мер, сообщите нам эту информацию". Что я получила в ответ? Я получила в ответ дикий крик о том, что администрация вводит систему контроля за телевещанием, да еще в принудительном порядке требует, чтобы ее информировали о том, что они показывают. То есть все было воспринято с точностью до наоборот. И я не знаю, как разрушать эти стереотипы.

Вопрос:

– Сейчас, действительно, возникло много новых средств массовой информации, и каждый вчерашний дворник называет себя журналистом. Понятно, что сами по себе эти СМИ не отомрут, пока будут нужны кому–то, кто–то будет их финансировать. Как Вы относитесь к тому, что негосударственная, некоммерческая организация пытается организовать учебу журналистов и государственных, и независимых средств массовой информации? Это реально?

М.Карелина:

– Я думаю, абсолютно реально. Вопрос лишь в финансировании. Для негосударственной компании это проблема гранта. Мы этот вопрос решили немножко по–другому. Мы проводим семинары районных журналистов на базе Волговятской академии госслужбы, мы просто их учим за государственные деньги. При этом мы не делим журналистов на государственных и негосударственных.